

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ век подарил нам немало ярких талантов, но даже среди них фигура Александра Порфирьевича Бородина выделяется своей могучей, истинно богатырской одаренностью, универсальностью гения и уникальным своеобразием. Творчество Бородина глубоко национально. В своих бессмертных творениях, воссоздающих образы героического древнерусского эпоса, он с удивительной глубиной постиг лучшие, самобытные черты национального сознания русского народа. Его музыка входит в нас с самых ранних лет вместе с пушкинским лукоморьем и народными песнями и запечатлевается на всю жизнь как первое знакомство с большим искусством.

С детства я был потрясен музыкой Бородина. «Князя Игоря» впервые слушал в небольшом поселке под Челябинском, прикинув к черному диску репродуктора. В сердце вскипала радость от этой светящейся красоты мелодий, от чувства гордости за свою родную землю, которую не покорить никому. Во время Великой Отечественной войны музыка Бородина звучала особенно часто, она нужна была как хлеб, ибо давала силы и рождала уверенность в победе.

Эпическое начало — основа музыкального стиля Бородина во всех жанрах, хотя оно не исключает эмоционального разнообразия, богатства чувств лирических и драматических. В творчестве Бородина словно откristаллизованы основные эстетические принципы русской музыкальной культуры — народность, демократизм, глубокий патриотизм, художественная правда жизни. Продолжая традицию Глинки, Бородин утвердил новый вид русского симфонизма — симфонизм эпический, стал создателем великого произведения — эпической оперы «Князь Игорь».

Минуло сто лет, а искусство Бородина ни гранью не потускнело. Оно до сих пор остается непревзойденным в некоторых важнейших чертах, и прежде всего в классической уравновешенности форм, богатстве и выразительности языка. Изумляет масштабность музыкального мышления Бородина, мощь идейного содержания его произведений. Все в них подлинно национальное, русское, и вместе с тем они глубоко интернациональны, понятны каждому, ибо несут в себе пафос гуманизма, человечности. Именно поэтому музыка Бородина стала всемирным достоянием.

Александр Порфирьевич оставил нам в наследство прекрасные романсы. Я много их пел, практически спел все, что написано для низкого голоса. Этих романсов немного, но каждый из них — шедевр. Взрослели они на народном мелосе, а это ведь самая благодатная почва. Тексты для некоторых романсов, к примеру «Спящая княжна», «Морская царевна», «Песня темного леса» и некоторым другим, написал сам композитор, что говорит о глубоком знании им стиля и образности русского эпоса. Я начинал исполнять эти сочинения еще в училище и потом в консерватории, причем вначале брал вещи более знакомые. Потом Георгий Васильевич Свиридов познакомил меня с такими глубокими, сложными произведениями Бородина, как «Отравой полны мои песни», «Из слез моих», «Чудный сад», — они поразили меня необыкновенной свежестью мелодий, изысканностью гармоний. Было это в 60-х годах. Мы со Свиридовым обязательно включали их в программу наших совместных концертов. Потом я стал петь целое отделение романсов Бородина. В них для меня открылся целый пласт былинной поэзии, веками сберегаемой в народной памяти, ожили и зазвучали стихи Пушкина, Некрасова, А. Толстого. В «Морской царевне» звучали непостижимая таинственность зова смерти, предчувствия ее пленительного покоя; в ро-

БОГАТЫРЬ РУССКОЙ МУЗЫКИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. П. БОРОДИНА

мансе «Из слез моих» — восторг, порыв, он словно пахнет полесными цветами, а в величайшем произведении этого жанра — вокальном шедевре «Для берегов отчизны дальней» — исполненная глубокой искренности боль и горечь невозвратимой утраты. Совсем иное настроение у романсов «Спесь» и «У людей-то в дому».

Кстати, в работе со Свиридовым над произведениями русской классики я всегда чувствовал, что философия, лиризм, богатырская мощь — те черты, которые сближают музыку Свиридова именно с музыкой Бородина.

Должен сказать, что сегодня романсы Бородина довольно редко звучат на концертной эстраде и в эфире. Меня подчас удивляет чрезмерное увлечение наших певцов западноевропейской классикой, пренебрежительное, на мой взгляд, отношение к «залежам» русской музыки. Целые пласты ее ждут своих открывателей, и один из самых убедительных

примеров тому — вокальное творчество Александра Порфирьевича Бородина. Скажем, романс «Море». Он написан для тенора, и теноры у нас есть, но отчего-то этот романс почти никогда не исполняется. А ведь «Море» Стасов назвал «самым великим по силе и глубине создания из всех, какие есть до сих пор на свете». Такими художественными драгоценностями грешно бросаться. Я думаю, ответственность за такие провалы в культурной памяти народа должны нести сами певцы. Если отечественная классика не бытует в народе, виноват певец. Он не исполнил своего гражданского долга. Действительно, романсы Бородина не так уж просты для исполнителя, и, значит, над ним надо работать, надо искать, только тогда появится традиция обращения к вокальной музыке великого мастера.

Величайшим созданием Бородина стала опера «Князь Игорь». Наверное, даже если бы он написал только одно это произведение, его имя осталось бы бессмертным. Чтобы проникнуться духом старины, Александр Порфирьевич побывал в окрестностях Путивля, изучал памятники древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве», «Задонщину», исследовал старинные летописи, былины и эпические песни. Работа над оперой шла восемнадцать лет. Благородная патристическая идея «Слова» стала и главной мыслью оперы — объединение Руси для борьбы с врагом, величие и непреклонная воля народа, вставшего на защиту родной земли. В своем монументальном полотне Бородин воссоздал определенные типы людей. Какие они разные! Игорь — светлый образ человека долга, патриота, жертвующего собой ради счастья других, движимого прекрасными порывами. Ярославна — олицетворение лучших черт русской женщины, любящей, преданной жены, нежной матери, радеющей о своем народе. Изумительные музыкальные характеристики даны этим героям! И рядом — Галицкий, любящий власть, пожить-погулять, бесчинствующий князь, самодовольно упивающийся властью. А Скула и Ерощка — пьяницы, подхалимы, низкопоклонники, которые «и вашим и нашим» за копейку спляшут. Разве нет сейчас таких? В опере «Князь Игорь» я пел Галицкого и выступал в партии Кончака. Хан Кончак — образ многоплановый и сложный. Он хитер, умен и этим страшен. Хищник, для которого идея жизни — грабег, он живет, питается кровью других народов. И этот образ способен вызвать сегодня определенные политические аналогии.

Принося сегодня общечеловеческий поклон великому гению отечественной культуры, мы вспоминаем бесценный вклад Александра Порфирьевича Бородина в историю русской науки и искусства. Замечательный ученый (в 44 года он был уже академиком), великий музыкант, он был еще и великим гражданином, патриотом своей родины. В годы Великой Отечественной войны Борис Асафьев писал в статье «Князь Игорь» — опера Бородина: «Надо сознаться, что мы, русские музыканты, очень ценим и любим, но мало знаем Бородина — композитора исключительной зрелости и вместе с тем свежести мысли и творческого изобретения, композитора глубоко национального и патриота в высоком значении этого понятия». Эти слова Асафьева не потеряли своей актуальности и сегодня. Мы, русские музыканты, в огромном долгу перед национальным гением, перед народом, которому служил композитор. Многие страницы его творчества еще предстоит открыть широкому слушателю.

Александр ВЕДЕРНИКОВ,
народный артист СССР, лауреат
Государственной премии СССР.

● «А. Бородин».

Портрет работы И. Репина.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О КОМПОЗИТОРЕ

Последними сочинениями его были: некоторые новые части из оперы «Князь Игорь», откуда он многое играл своим друзьям и товарищам даже в январе наступающего, 1887 года. Второй струнный квартет, начатый уже довольно давно, и наконец, начатая Третья симфония для большого оркестра. Ни опера, ни симфония не были кончены, но он ими занимался даже во всю первую половину февраля месяца. И вдруг всему наступил конец. Разразился неожиданный громовой удар. 15 февраля, в последний день масленицы, на веселом вечере у себя дома, среди гостей у него собравшихся, среди начатого разговора Бородин упал и мгновенно скончался от разрыва сердца, не испустив ни стоны, ни крика, словно страшное вражеское ядро ударило в него и смело его из среды живых.

Бородин похоронен в Александро-Невской лавре, рядом со своим другом Мусоргским.

Все его поклонники, очень многочисленные, вся Медицинская академия, все женщины-врачи десяти выпускников, находившиеся в Петербурге, провожали его. Молодежь неслась его (гроб) на руках до могилы, мужчины и женщины; целый лес венков со провождал его тело. Один из них, серебряный, носил надпись: «Основателю, охранителю, поборнику Женских врачебных курсов, опоре и другу учащихся — женщины-врачи десяти выпускников. 1872—1887». Другой, с лентами из тяжелого золотого глизета, с надписью черными бархатными буквами и золотыми нитьями, носил надпись: «Великому русскому музыканту — от товарищей и почитателей».

Талант Бородина равно могуч и поразителен как в симфонии, так и в опере, и в романсе.

В. СТАСОВ.

Из очерка «Александр Порфирьевич Бородин».

Как человек Бородин оставил во всех его знавших самые лучшие и дорогие воспоминания. Добродушный, снисходительный, мягкосердечный, бесконечной, может быть, даже излишней, доброты, он в то же время был способен на проявления большой силы духа. Вечно живой, веселый, приветливый, шутиливый, он любил прикидывать шутку к самым серьезным делам. Широкая, чисто русская натура. Бородин относился довольно небрежно и окончанию, сохранению и изданию своих произведений; он не всегда умел распоряжаться своим временем и часто повторял свою оригинальную, любимую поговорку: «Никогда не делай сегодня того, что можешь сделать завтра». Приведу одну его любопытную черту: когда он показывал свои сочинения и его товарищи по искусству находили в них какие-нибудь недостатки, он их отставал с большой энергией, но делал это

так добродушно, что этот род самозащиты ничуть не казался странненьким.

Ц. КЮИ.

Из очерка «А. П. Бородин».

До сих пор памятна мне наша первая встреча. Он поразили меня тогда своим молодым видом, своим чрезвычайно покладистым характером и своими чрезвычайно разнообразными знаниями: он говорил не об одной только химии; вы видели в нем человека, знающего физиологию, патологию, интересующегося жизнью и полного энергии к своему делу.

Я был знаком с ним уже несколько месяцев и не подозревал в нем музыканта. Он тогда скрывал свой талант, который я открыл в нем совершенно случайно на одном из моих вечеров, когда он встретился у меня в доме с нашим знаменитым музыкантом Балакиревым, и тут же мы были поражены музыкальным развитием А. П. Мы имели перед со-

бою специалиста-музыканта: он вместе с Балакиревым читал партитуру, перевертывая страницы, и говорил о музыкальной пьесе точно так, как мы с вами говорили бы по поводу прочитанной нами книги. Тут я в первый раз убедился, что это не аматёр-музыкант. Я после встретил в его письме к г-же Кармалиной (место), где он говорит, что стыдится быть музыкантом, что ему, как профессору химии, выходить на эстраду неловко. Я думаю, что чувство фальшивого положения у него было до 1868 года, когда была поставлена его симфония, которая дала ему почетное место в среде наших музыкальных композиторов, и может быть, только с этих пор он стал открыто считать себя столько же музыкантом, как и химиком.

С. БОТКИН.

Из речи «Памяти профессора Александра Порфирьевича Бородина».